

Наталья Камовникова

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

**Русскоязычные переводы поэзии Киплинга и авторская песня
двадцатого века**

The article studies the history of Russian translations of Rudyard Kipling's poetry and the effect they had on Russian songwriting of the twentieth century. The ban on Kipling, imposed in the end of the 1930s, limited the access of the Russian readership to the already-published translations of Kipling's verse, as well as made any further publications of Kipling's poetry impossible. During the forty-year-long gap in publications, however, Kipling's poetry made its way to the Russian readership by becoming lyrics to the so-called "bard" music – songs written to a seven or six string guitar for individual performance. The article focuses on the most famous Russian bard songs to Kipling's poetry or alluding to Kipling's texts.

Keywords: translation, poetry, Kipling, song-writing, Soviet Union

*Памяти Евгения Владимировича Витковского
(18.06.1950 -03.02.2020)*

История русскоязычных переводов поэзии Редьярда Киплинга удивительным образом переплелась с историей русской музыки, невзирая на очевидные преграды политико-социального характера, которые на момент проникновения Киплинга в музыкальную сферу казались непреодолимыми. Действительно, ограничения выбора оригинальных произведений для перевода и последующего распространения с одной стороны и не менее строгий политический контроль музыкального творчества с другой представляли собой серьезное препятствие для вхождения Киплинга в советское музыкальное пространство. Однако, как это нередко случается в случаях жесткого контроля, положительный результат был достигнут путем перемножения отрицательных величин: полузапрещенный Киплинг нашел свое место в полуразрешенном жанре авторской песни.

Гонения на поэзию Киплинга в СССР начались в тридцатые годы после ряда анти-киплинговских публикаций влиятельных советских критиков. Первой из них стала статья «Киплинг» в «Литературной энциклопедии» 1931 года, опубликованная Т.М. Левитом. Киплинг в ней был охарактеризован как деловитый и самоуверенный «зауряд-завоеватель», которому свойственны «сентиментальная ностальгичность», «чуждость», «твердолобый консерватизм, расовая гордость, англо-

саксонская избранность» [1, с. 202]. Позднее, в 1936 году, по поэзии Киплинга был нанесен роковой удар, когда Р.З. Миллер-Будницкая во вступительной статье к ленинградскому сборнику стихов Киплинга под редакцией В.И. Стенича заклеила Киплинга как поэта, который в своих стихах «развертывает законченную фашистскую концепцию будущего западного мира» [2, с. 27]. Столь воинственное нападение на Киплинга вовсе не было внезапной реакцией литературного критика на превосходный сборник Стенича. Раздражение советских критиков зрело уже долгие годы и было обусловлено многолетней нескрываемой неприязнью Киплинга сначала к Российской Империи, а затем к Советскому Союзу. Это неприязненное отношение Киплинга регулярно находило отражение в его творчестве (в рассказе «Человек, который был», стихотворениях «Мировая с медведем» и «Россия – Пацифистам. 1918 год»). Примечательно, что в 1936 году в противовес статье Миллер-Будницкой вышла и блестящая статья Д.П. Святополка-Мирского, в которой автор идентифицировал империализм Киплинга как лирическую тему [3, с. 17]. По трагическому стечению обстоятельств, обоим защитникам Киплинга Стеничу и Мирскому была уготована гибель: оба были арестованы в конце 1930-х; Стенич был расстрелян, Мирский сгинул в трудовых лагерях.

После 1936 года Киплинг в СССР перешел в разряд детских писателей; публикации его работ за редким исключением ограничивались сказками и отрывками из «Книги Джунглей». Следующему сборнику поэзии Киплинга суждено было состояться только в 1976 году в рамках «Библиотеки Всемирной Литературы», причем публикация имела место в одном томе с произведениями Оскара Уайльда, что представляло собой весьма неожиданное, если не сказать несопоставимое соседство [4]. Данный факт означает, что до 1976 года знакомство советских русскоязычных читателей с поэтическим наследием Киплинга основывалось всего на трех поэтических сборниках, увидевших свет в двадцатых-тридцатых годах. Первым из них стал петроградский сборник переводов Киплинга, выполненных А.И. Оношкович-Яцына и опубликованных в 1922 году [5]. Е.В. Витковский, блистательный переводчик, знаток Киплинга и подвижник русской переводческой историографии, охарактеризовал этот сборник как важнейший прорыв в отечественной переводческой практике. «Эта маленькая, в двадцать два стихотворения, отпечатанных на серой-пресерой бумаге, книжечка буквально переломила хребет русской <...> поэзии XX века. Ада Оношкович-Яцына <...> открыла российскому читателю «Томлинсона», «Мировую с Медведем», «Мэри Глостер», а главное, прославленную

«Пыль»» [6, с. 11-12]. Действительно, для своего сборника Оношкович-Яцына подобрала стихотворения, выдержанные в едином ключе. Наряду с уже перечисленными стихотворениями он содержал такие стихотворения как «Денни Дивер», «Саперы», «Пикник вдовы», «Гимн перед битвой» и «Южная Африка». Объединенные в одно издание, эти вместе взятые стихи по принципу стилистической аккумуляции наделяли Киплинга особым ореолом: перед русским читателем предстал поэт-странник, бродяга, неутомимый скиталец, исполненный решимости, отваги и тонкого чувства юмора.

Второй русскоязычный сборник стихов Киплинга увидел свет в 1931 году [7]. Книга стихов Киплинга для детей на двадцати двух страницах была издана в переводах тридцатичетырехлетнего С.Я. Маршак. Среди них была опубликована его переводческая версия «Пыли», которую Маршак обозначил как «Пехота в Африке», а также ставшая впоследствии знаменитой «Бразилия» (в оригинале у Киплинга известная как “I Never Sailed the Amazon”).

Третьим сборником переводов поэзии Киплинга стал упомянутый выше ленинградский сборник Валентина Стенича 1936 года. Он вместил в себя почти все переводы Оношкович-Яцына 1922 года и ее новые переводы, такие как «Слава Сада» и «Солдат и он же моряк», а также работы других переводчиков, включая ставшие каноническими «Заповедь» Михаила Лозинского и «Балладу о Востоке и Западе» Елизаветы Полонской, а также «Бремя белых», «Галерный раб» и «Песня мертвых» Михаила Фромана, по два варианта перевода стихотворений «Мандалей» и «Песня банджо», выполненные Елизаветой Полонской и Михаилом Гутнером, и др. [8]. Разгромная статья Миллер-Будницкой, предвавшая сборник, и последующий негласный запрет на поэзию Киплинга затруднил доступ к нему читательской аудитории. Публичная библиотека Ленинграда, к примеру, хотя и не стала перемещать сборник Стенича в спецхран, однако зарегистрировала его на некоторое время таким образом, что найти по каталогу, заказать и получить его на руки было невозможно.¹

Таким образом, практически все, что было доступно русскому читателю поэзии Киплинга до последней четверти XX века, сводилось к крайне ограниченному списку произведений, имеющих единую направленность и вкуче способствующих созданию романтического образа. Труднодоступность существующих изданий усиливала таинственную привлекательность Киплинга, никак не сочетающуюся с его угрожающим прозвищем «железный Редьярд». Поэтому не

¹ Автор благодарит ведущего библиографа Российской Национальной Библиотеки Н.Л. Елисеева за неоценимую помощь в сборе материала.

случайно, что формирование в СССР жанра авторской песни плотно перешло с поэтическим наследием Киплинга. Первой в череде песен, навеянных русскими переводами Киплинга, стала «Бригантина», написанная Павлом Коганом и Георгием Лепским в 1937 году [9]. Не имея прямой соотнесенности с текстами Киплинга, «Бригантина», тем не менее, обладала всеми архетипическими элементами, с которыми ассоциировались известные русскоязычному читателю поэтические переводы его поэзии: море, корабль, парус, отказ от привычного быта (ср. известные к тому моменту «Мери Глостер», «Балладу о “Боливаре”» и, конечно же, «Стихи о трех капитанах»). Тема бригантины, странствия и неуспокоенности легла в основу многих авторских песен, включая «Песню о дружбе» и «Палаточный город» Михаила Танича.

Однако первой авторской песней, написанной в СССР непосредственно на текст Киплинга, стала «Пыль» Евгения Аграновича, созданная им в 1941 году во время непосредственного участия в битве за Москву [10]. «Пыль» Аграновича сочетает пять строф перевода Ады Оношкович-Яцына в редакции 1936 года с тремя строфами собственного сочинения, имеющими непосредственное отношение к боевым действиям Второй мировой войны. В свою очередь, песня Аграновича легла в основу песни Булата Окуджавы «Вы слышите, грохочут сапоги?», также известной как «Песенка о солдатских сапогах». Песня Окуджавы 1957 года стала не просто ответом на тему, заданную в «Пыли», но и стилистически выстроенным по смежному принципу, с повторами в исходах строк, ритмической имитацией марша и стилистически сниженными разговорными формами [11]. Примечательно, что ключевым словом песни Окуджавы стало слово *сапоги*, которое вызывает прямые ассоциации с киплинговским оригиналом стихотворения, озаглавленным *Boots*.

Вертикальный контекст «Киплинг/Оношкович-Яцына – Агранович – Окуджава» включил в себя еще одного участника, когда в 1965 году Юрий Кукин написал песню «Солдат Киплинга», которая опять замкнула ассоциативный круг на переводе первой половины XX века [12]. Интересно, что и текст Кукина начинается со слова *опять*: «Опять тобой, дорога, желанья сожжены». Данная отсылка явно относится к тексту Киплинга, что подкрепляется еще одной аллюзивной цитатой «Чужим остался Запад, Восток – не мой Восток», на этот раз относящейся к «Балладе о Востоке и Западе» в блистательном переводе Е.Г. Полонской. Упоминания пустыни, солдатские чертыхания, афористичные формулировки песни Кукина

также отсылают к тексту Киплинга. Строчка Кукина «А мы уходим рано, запутавшись в долгах» – это еще одна вольная или невольная отсылка к творчеству Киплинга. На этот раз мы имеем дело со стихотворением Киплинга «Потерянный легион», известным к шестидесятым годам в переводе Оношкович-Яцына. «Потерянный легион» перекликается с «Солдатом Киплинга» не только тематически, но и в выборе лексико-стилистических средств: так, например, у Кукина текст песни начинается словом *опять*, а у Киплинга текст стихотворения этим словом заканчивается (пятикратно повторенным в оригинале и четырехкратно – в переводе).

Кукин, как мы видим, вновь обращается к романтическому образу Киплинга, созданному публикациями 1922 и 1936 годов. Светлое юношеское начало той части поэзии Киплинга, которая была известна советскому читателю, апеллировала многим авторам-песенникам. И если у Кукина фраза «Иду, как старый мальчик, куда глаза глядят» является описательной и относится к киплинговским образам в целом, то Виктор Берковский и Морис Синельников объединили тему детства и тему странствий в песне «Бразилия», написанной на полный текст перевода Самуила Маршака. Как уже говорилось выше, стихотворение «Бразилия» прочно ассоциировалось с детским чтением по причине того, что единственный сборник, в котором ему было суждено быть опубликованным, был сборник для детей 1931 года. Киплинг в «Бразилии» Берковского и Синельникова становится символом возвращения к мечтам детства; не случайно в 1981 году песня стала основной музыкальной темой мультфильма «Ежик плюс черепаха» Ивана Уфимцева, снятого по сказке Киплинга «Откуда взялись броненосцы». При этом тема путешествий и ухода от серых будней раскрывается очень ярко; она особенно пронзительно звучит в усиливаемом музыкальной темой рефрене «Увижу ли Бразилию до старости моей?» [13], который в контексте советских ограничений на свободу передвижения считывался аудиторией совершенно буквально.

После 1976 года, положившего начало возвращению Киплинга в советский перевод, стали появляться песни на новые переводы Киплинга. Таковыми являются, к примеру, «Раб, который стал царем» Сергея Никитина на текст перевода Льва Блюменфельда, а также прогремевший на всю страну романс Андрея Петрова «За цыганской звездой» на перевод Георгия Кружкова, ставший ключевой темой кинофильма «Жестокий романс» Эльдара Рязанова. Однако память о первых переводах Киплинга на русский язык оставалась жива и в последние десятилетия XX века. В этой связи особое место занимает написанная в 1988 году песня «Колокол Ллойда» Александра

Городницкого [14]. Торжественный рекем по прошлым ошибкам и растроченной жизни звучит у Городницкого подобно колоколу затонувшего в конце восемнадцатого столетия британского парусника «Лутина», впоследствии поднятого и размещенного в здании корпорации Ллойда. По традиции, колокол «Лутины» звонит в дни поминовения. У Городницкого среди таких поминаемых образов – «ленинградское давнее детство, тоненький Киплинг, затерянный между томами» – то есть, петроградское издание переводов Ады Оношкович-Яцына, спрятанное на всякий случай среди добротных книг авторов, которых не коснулись запреты и литературная цензура.

Обращает на себя внимание тот факт, что прямое и аллюзивное использование текстов Киплинга в советском песенном творчестве преимущественно имело место в бардовской авторской песне. Максимально свободная от условностей, в целом не подотчетная официальным органам, она распространялась так же стремительно, как и поэзия Киплинга в русских переводах – из уст в уста, в списках, в обход централизованных издательств и установленных правил. Опубликованная до 1936 года поэзия Киплинга способствовала формированию в сознании русскоязычных читателей лирического образа одинокого бродяги и странника, который прекрасно вписался в бардовскую песню, вобравшую в себя традиции цыганских и русских романсов, песен тюремных пересыльных [15, с. 86], а также дорожных песен. Единые принципы свободы, неподотчетности и устремленности в неизведанное объединили поэзию Киплинга с музыкальным жанром авторской песни, вдохновившей несколько поколений слушателей и исполнителей.

Литература

1. Левит Т.М. Киплинг. *Литературная энциклопедия*. Том 5. М.: Изд-во коммунистической академии, 1931. С. 200-205.
2. Миллер-Будницкая Р.З. Поэзия Редьярда Киплинга. *Киплинг Р. Избранные стихи*. Под ред. В. Стенича. Л.: Гослитиздат, 1936. С. 3-28.
3. Святополк-Мирский Д.П. Киплинг. *Киплинг Р. Рассказы*. М.-Л.: Академия, 1936. С. 3-19.
4. Уайльд О., Киплинг Р. Стихотворения; Портрет Дориана Грея; Тюремная исповедь; Стихотворения Рассказы. М.: Художественная литература, 1976. 767 с.
5. Киплинг Р. Избранные стихотворения. Перевод А. Оношкович-Яцына. Петроград: Мысль, 1922. 78 с.
6. Витковский Е.В. Империя по имени «Редьярд Киплинг». *Киплинг Р. Стихотворения. Роман. Рассказы*. Под ред. Е.В. Витковского. М.: Рипол Классик, 1998. С. 11-20.
7. Киплинг Р. 40 норд – 50 вест. Перевод С. Маршака. М.-Л.: Молодая гвардия, 1931. 22 с.
8. Киплинг Р. Избранные стихи. Под ред. В. Стенича. Л.: Гослитиздат, 1936. 272 с.
9. Смельцов А. «Бригантина» из Барнаула. *Литературный Барнаул*. № 5. 2017. С. 39-41.
10. Агранович Е.Д.

http://russianshanson.info/?id=445&attr=4&album_id=1611&text=16378 [11.02.2020]. **11.** Окуджава Б.Ш. Песенка о солдатских сапогах http://bard.ru.com/php/print_txt.php?id=36.008 [11.02.2020]. **12.** Кукин Ю.А. Солдат Киплинга <http://www.bards.ru/archives/part.asp?id=7551> [11.02.2020]. **13.** Берковский В.С. <https://yandex.ru/video/preview/> [11.02.2020]. **14.** Городницкий А.М. Колокол Ллойда. <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=49744> [11.02.2020]. **15.** Smith G.S. Songs to Seven Strings. Russian Guitar Poetry and Soviet “Mass Song.” Bloomington: Indiana University Press, 1984. 271 p.

Вероника Разумовская

г. Красноярск, Российская Федерация

Нарратив Марии Степановой: предпереводческий взгляд

The present article deals with the pre-translation analysis of Maria Stepanova’s literary texts and mostly her latest novel, whose title has been translated as “In Memory of Memory” or “Post-Memory”. The novel is devoted to the history of the author’s family, individual, family and collective memories forming the cultural memory of national and international range and blends various memoirs, documents, and essays into an epic narrative. Particular attention is paid to the notion of “idionarration” described from the point of narrative technique and in the translation perspective. “Idionarration” is hypothetically defined as a possible unit of literary translation.

Keywords: literary text, belletristic literature, prosaic and poetic narration, narrative technique, pre-translation analysis, unit of literary translation, “In Memory of Memory”/ “Post-Memory”

Как неособьект практически безграничного и крайне разнообразного поля гуманитаристики, нарратив наиболее часто исследуется в областях лингвистики и литературоведения, что убедительно свидетельствует о традиционном разделении языковедческих и литературоведческих интересов. При этом необходимо согласиться с мнением большинства исследователей о том, что указанное разделение приводит к тому, что «накопление знаний одной из «сторон» не привносит существенных изменений во «взгляды» другой» [1, с. 159]. Тем не менее филологический дискурс обнаруживает ряд проблем, успешное решение которых возможно только тогда, когда обе указанные «стороны» ориентированы на изучение общего объекта, которым в данном случае и является рассматриваемый в статье нарратив. Признавая очевидную лингвистическую и литературоведческую ограниченность и догматизацию нарратологии, исследователи также отмечают наличие в ней